

* * *

Шум телевизора – отзвук большого взрыва.
Уходящим трамваем поскрипывает чей-то голос.
Священнодействие разума так постыло.
Пустые амбиции уходят, как опоздавший поезд.

Сигналы луны на моих радарах:
шипением отравленные голоса.
А я по-прежнему репетирую соло ударов,
забываю сохранять номера.

Меня тошнит от жизненного опыта,
нервная система то и дело проверяет коннект.
Реальность – отвращение, приумноженное птичьим клёкотом,
приукрашенное образами из кинолент.

* * *

Цвет недоступен, монохром.
Притворяться, что греет свет.
Заклинания на потом.
Море снега и море-снег.

Обозначься пунктиром камней,
убегающих до воды,
по застывшей соли морей,
где искать мне твои следы.

Пианино расстроено, ржавый трамвай,
телефонная будка пуста,
замолкает гудок, телефон устал,
проводник из ничто, в никуда.

* * *

Зажигалкой чиркаешь, не горит.
Пиши все, что думаешь.
Все слова уместились на медный кулон для молитв,
лучше разве для них придумаешь?

Засыхают цветы, и окурок дымит...
Где мне взять настоящей поэзии?
Чашка с чайкой отколота, жуткий вид,
и такое бывает болезненно.

Кремний выдохся, ветки, фонарь,
я избита, как эти слова.
Если кровь, не кровь-киноварь,
не сгорит ничего...никогда...

* * *

Яблоко слаще, чем грех первородства,
трепетнее вожделения,
– красота притягивает
демонов или уродцев,
и ей не будет прощения...
Какое святое сиротство,
оно ли не наваждение.
Как проклятое господство,
наказанное отвращеньем.
Никто не заметит сходства
таланта, с петлей и мишенью...

* * *

Чернь и золото, слово – свинец,
не самый лучший ритуал на любовь.
С упорством глухонемого не знать про конец,
не услышать криков умирающего всего.
В тень стены гонят волки разума, я их гонец,
у меня есть тело, и больше нет ничего.
Если город – храм, его центр – венец.
Белый лист, перепачканный словом «добро»,
как послание в мрачный дворец,
я тайком пронесу под своим ребром.
Мой преступный порыв – оживший мертвец,
собирающий бесполезное серебро.
Даже если ты самый искусный лжец,
то поверь, это все ещё не волшебство.

* * *

Левая рука – пятилетний ребенок,
не умеет писать, еле держит ложку.
Разлученный с матерью олененок,
в волчьей шкуре, пообвыкнется понемножку.

Тьма не исчезает от упоминания светильника,
но светильник погаснет и станет тьмой.
Ясноглазые будут страшнее могильника,
с возведённым бетонным куполом над головой.

Серое небо не украшает ни одного города,
как бездушное благоденствие.
Среди полосатого газетного вороха
чья-то душа, похожая на младенца.

* * *

В три часа ночи мозг пытался до кого-то дозвониться,
посылал гудки...
Линия была перегружена,
автоответчик больше не диктовал стихи.

Лампочками АТС светили звезды.
Оператор никак не мог соединить.
Ночь безвылазна, ночь промозгла,
поперёк и вдоль невозможно прожить.

Абонент доступен, но не для всех.
Голова: телефонная будка, переговорный пункт.
Наберите хотя бы телеграфный текст,
без предлогов и точек: «проведи меня даже сквозь бунт».